

ВДАЛИ ОТ ГОСУДАРСТВА: ОТХОДНИКИ И ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Плюснин Ю.М.*

Аннотация

Внутренние возвратные трудовые мигранты – современные отходники – являются сравнительно новым, но уже массовым феноменом в социально-экономической жизни России. Эта категория трудовых мигрантов, численность которой мы оцениваем в 15–20 миллионов трудоспособного населения, существует вне системы публичного управления, занимая преимущественно теневой сегмент экономики. Органы власти, как на государственном, так и на муниципальном уровне, еще не сформировали никакого определенного отношения к ним. Пока не существует никаких управленческих решений по регулированию отхожей трудовой деятельности, не выработано нормативно-правовой базы. В статье, основанной на полевых исследованиях в 40 российских регионах и эмпирических материалах по 77 муниципальным образованиям, рассмотрена проблема взаимодействия власти и отходников как особой категории населения в трех аспектах: отношение отходников к власти и ее представителям, формы и виды взаимодействия с властями, значение современного отходничества. Полная отстраненность отходников от власти, отказ их от взаимодействия с ней, отсутствие взаимодействия власти с этой категорией населения, недооценка ее экономического и политического значения являются предпосылками и факторами нарастания социальной напряженности и создают значительные социально-политические угрозы и риски для системы управления.

Ключевые слова: возвратная трудовая миграция; отходничество; отходники; самозанятость; малое предпринимательство; теневая экономика; органы публичной власти; местное самоуправление; взаимодействие власти и населения; политическая активность населения; социальная напряженность.

«**Н**ам они неинтересны» – цитата из одного интервью и рефрен всех Обсуждений представителей государственных и муниципальных органов власти, едва только речь заходит об отходниках – трудовых мигрантах, которые работают не там, где живут их семьи, и живут не там, где они годами работают. Потому что отходников нет в местной экономике. Их как

* Плюснин Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор департамента государственного и муниципального управления факультета социальных наук, НИУ ВШЭ. Адрес: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Москва ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: jplusnin@hse.ru

бы совсем нет в экономике – большинство отходников работают «в тени» и не платят налогов. Они не ходят в поликлиники и больницы – им негде и некогда болеть. Они не участвуют в общественной и культурной жизни своего села и города, потому что они тут редко бывают, а когда бывают, заняты семьей и хозяйством. Они не участвуют в общественно-политической жизни местного общества и нечасто ходят на выборы. Они редкие клиенты центров занятости населения, как и редкие получатели льгот; они не надеются в будущем на пенсию. Именно в силу всего этого отходники – «неинтересный объект» для публичной власти всех уровней. На муниципальном уровне о них хотя и немного, но знают, однако власти не ясно, как «приспособить» таких людей к своей деятельности – ведь они живут рядом, но в несоприкасающихся мирах. А на государственном уровне, для чиновников, отходники вообще не существуют. Между тем это громадная по численности – до 15–20 млн. человек – часть трудоспособного населения и очень важная в управленческом отношении категория. Достаточно упомянуть недавние выступления дальнобойщиков – одной из групп отходников, вполне самоорганизованной «трудовой армии», – чтобы согласиться, что небезопасно допускать наличие в обществе неведомых для властей субъектов.

Предлагаемая статья основывается на материалах, ранее опубликованных на русском языке (Плюснин и др., 2013; Плюснин, Позаненко, Жидкевич, 2015), а также опубликованных только на английском языке (Plusnin et al., 2015), – это часть результатов исследований по проблеме взаимодействия отходников с представителями публичной власти. Поэтому я посчитал возможным и необходимым высказать здесь имеющиеся у меня по этому вопросу суждения специально с акцентом на отсутствующее взаимодействие властей с этой особой категорией трудоспособного населения, на полное отсутствие понимания со стороны представителей власти нужд и потребностей, образа жизни и способа деятельности возвратных временных трудовых мигрантов – отходников.

Материалы и методология исследований, которые послужили основой для высказываемых ниже утверждений и предположений, подробно изложены в указанных публикациях, и я отсылаю заинтересованных читателей к статье и двум нашим монографиям.

Обсуждаемую проблему взаимодействия и отношений отходников с властью я предлагаю разделить на три компонента: (1) отношение отходников к власти – поскольку отношение власти к отходникам известно; (2) формы и виды непосредственного взаимодействия отходников с органами государственной и муниципальной власти; (3) значение отходничества для нынешней российской власти.

Отношение отходников к власти

Мы многократно отмечали, что отходники не только в экономике пребывают в «тени», но и в политической жизни как бы «вне государства». Несмотря на то что это самые активные люди в местном обществе, их общественно-политическая активность не проявляется ни на государствен-

ном уровне, даже если они и ходят на выборы, ни на уровне местного самоуправления. Выпав из экономического учета, эти люди массово выпали и из социальных программ и политических интересов государства, они почти не участвуют и в местной политической жизни. В силу этого и отношение отходников к местной власти по преимуществу безразличное или отчужденное: они не выбирали эту власть, они не доверяют этим людям и не видят пользы от их деятельности; местная власть их как бы и не касается.

Правда, в ряде случаев отходники бывают представлены в органах местного самоуправления. Несколько таких случаев было зафиксировано нами в Костромской и Ивановской областях¹. Но если по отношению к отходникам-депутатам возникает не много вопросов со стороны и местных жителей, и органов муниципальной власти – ведь известно, насколько декоративны их функции в большинстве случаев, – то отходники – главы муниципальных образований (уровня сельского или городского поселения) с очевидностью не могут заниматься ежедневным текущим хозяйственным и административным управлением, даже если и мало есть чем управлять. Жизнь течет в таком муниципалитете вне зависимости от участия руководителя в процессах управления.

Конечно, это редкие случаи, обычно отходники самоустраиваются от какого-либо участия в местном самоуправлении, и в целом их отношение к местной власти равнодушное или скептическое. Люди не верят в какие-либо улучшения в результате сменяемости власти, невысоко оценивают профессиональные и личные качества местных руководителей, сомневаются и в их управленческой мотивации, да заодно и в способностях быть настоящим руководителем. Типичные примеры, которые мы уже приводили (Плюснин и др., 2013, с. 208–218):

«На выборы хожу, но вообще-то не всегда получается, как-то не очень с этим. Да и все равно это бессмысленно. Ничего не меняется... Новый глава района 62-го года рождения или 64-го. Заботиться ему не о ком, семьи нет, детей нет. Ну, жена есть. Оформил на нее пилораму. Живет себе в удовольствии»².

Повсеместным среди отходников является утверждение о не вполне легитимном характере местных выборов, о назначениях «сверху», а не о реальном избрании народом муниципальных глав. Хотя наши наблюдения показывают, что даже в тех немногих случаях, когда интересы большинства населения совпадают с выбором региональных властей в отношении кандидата в будущие мэры или главы районов, тем не менее результат обычно плачевен. Несмотря на отстраненность от политической жизни, отходники хорошо знают потенциал людей, идущих во власть, это их соседи, они вместе выросли. Печально, что общим мнением оказывается суждение о невысоких управленческих качествах местных руководителей, об отсутствии у них и желания и возможностей что-либо поправить, улучшить в местной жизни. Поскольку отходники в большинстве своем люди деловитые и уме-

лые, особенно резки их суждения о низком профессиональном уровне муниципальных руководителей:

«...Зачем ему законы? Он хочет побольше продать то, что запрещено – памятники архитектуры, – и свалить. На второй срок он еще попал. На третий – не знаю. Он и на второй так же пролез. Никто, кроме него, не пошел... А больше никого не было... Марья Ивановна, дворничиха наша, акушер-гинеколог и сантехник. Все... Как бы надо ходить [на выборы]. Рвать все бюллетени. Но я просто знаю всех этих людей, сколько им заплачено и что все равно будет тот человек, который нужен. Смысл ходить, топтать ботинки?»³

Местная власть повсеместно не успела стать авторитетной даже в глазах «рентной» (по терминологии С.Г. Кордонского) части общества – среди бюджетников и пенсионеров, – а уж тем более в глазах отходников. Эти люди, в отличие от многих своих соседей, имеют возможность сравнивать результаты хозяйственного, административного и даже политического управления в родном городе и районе с организацией управления в столицах, региональных центрах. И это сравнение, конечно, всегда не в пользу родной местной власти. Кроме того, у них отсутствует интерес к результатам такой деятельности, поскольку у большинства отходников в родном городе интересы ограничиваются домом и хозяйством, а взаимодействие с другими людьми – досугом или хозяйственной помощью. Отношений с властью у многих из них нет никаких. В коридорах и кабинетах местных администраций мы ни разу не встретили отходника, в какое бы время мы туда ни заходили. И сотрудники администраций говорят, что отходники у них не бывают, делать им там нечего. Потому и не знают практически ничего местные управленцы про своих сограждан-отходников, кроме разве того, что могут знать как соседи по улице. Для отходника же власть – это не своя местная, а только власть «из телевизора», с ее все новыми законами и указами, для них, но по большому счету, ничего не меняющими. Эту власть он не любит, но знает. Свою, местную, не любит и знать не хочет.

Взаимодействие отходников с органами публичной власти

Взаимодействие отходников с органами публичной власти неопределенное и крайне слабо выраженное. С одной стороны, отходники не принимаются в расчет муниципальными властями, поскольку в политической жизни они не участвуют, в качестве объектов социальной политики не представлены и для органов власти обоих уровней (местного и регионального) являются несуществующим сегментом общества. Поэтому интенсивность их взаимодействия с властью крайне невелика. С другой стороны, отходники наряду с местными предпринимателями – это наиболее деятельная, активная часть общества, на них держится многое, и они являются инициаторами практически всех социально-экономических и социокультурных новаций в местном обществе. И понимающие дело управленцы это видят,

соответственно, рассматривают отходников как важнейший стратегический местный ресурс, до которого, правда, еще «руки не дошли».

Даже с учетом собранного нами обширного материала полевых наблюдений, объем выявленных фактов взаимодействия отходников с местными и государственными органами власти единичен. Тем не менее кажется важным зафиксировать, в каких сферах и как осуществляется сейчас такое взаимодействие.

В политической сфере, а также в плоскости текущего административно-хозяйственного управления, как уже указывалось, взаимодействие ограничивается редкими случаями участия отходников в представительных органах местного самоуправления и еще реже – в исполнительных. Наблюдаются и единичные случаи попыток привлечения отходников к участию в местном самоуправлении, поскольку среди них немало не просто «работяг», а инициативных деловых людей с лидерскими качествами, которых так сейчас не хватает местному самоуправлению. Если сравнивать отходников с местными предпринимателями, их «собратями»⁴, то последние, напротив, очень широко представлены в местных органах власти, особенно в советах депутатов. Их экономические интересы тесно связаны с местной жизнью, в отличие от интересов отходников, почему они и самоустраиваются.

Но это не единственная причина неучастия отходников во власти. Не менее важной причиной самоустранения мне представляется отсутствие у большинства отходников понимания сути местного самоуправления и реального значения органов МСУ для местного общества. Как люди, значительную часть своего времени проводящие на работе в крупных городах, в столицах, на северных и сибирских «вахтах», они до сих пор весьма скептически относятся к идее местного самоуправления как таковой, статус местной исполнительной власти полагают простым продолжением вертикали государственной власти, а роль представительных органов – исключительно декоративной.

Выпадение же отходников из внимания местной власти во многом обусловлено таким второстепенным на первый взгляд фактором, как их принципиальная «невидимость» для официальной государственной статистики и для муниципальной отчетности перед органами государственной власти. Органы государственного контроля не могут учитывать отходников, так как те не регистрируют свое пребывание в местах выезда на работы⁵. В отличие от гастарбайтеров – тех же отходников, но из бывших союзных республик, внутренние трудовые мигранты не регистрируются миграционной службой (Зайончковская, Мкртчян, 2007). Районные администрации повсеместно не заинтересованы в статистических данных по отходничеству по другой простой причине: *«району эта статистика просто не нужна»*, поскольку эти данные не используются как отчетные муниципальные показатели по местной экономике для органов региональной государственной власти.

В социокультурной сфере причины низкого уровня взаимодействия несколько иные. Муниципальная власть повсеместно представляет интересы прежде всего так называемых «рентных» групп населения («бюджетники», работающие по найму в муниципальных организациях, пенсионе-

ры, инвалиды), т.е. преимущественно экономически пассивного населения, «служащего класса» или нуждающихся в социальной поддержке, которому государственная власть гарантирует доступ к некоторому минимуму общественных благ и разного рода ресурсов. Тем более что эти «рентные» группы в основном и ходят на выборы. Нередко и сами представители власти понимают, что они поставлены в такие условия, когда вынуждены работать скорее как учреждения социального обеспечения, а не как органы местного самоуправления. Даже осознавая ориентированность на «рентное» население, представители власти не знают, каким образом можно изменить эту ситуацию, – как из-за ограниченности своих ресурсов, так и из-за особенностей перераспределения части государственных полномочий на местный уровень. Немаловажным фактором оказывается и психология населения:

«У людей с советских времен осталось ощущение, что власть им все должна сделать. Я пытаюсь убедить людей в том, что давно прошли те времена, когда им тут кто-то что-то должен сделать»⁶.

«...у него (речь о главе администрации городского округа) таких дармоедов, как мы, уже, как минимум, есть, и много. У него же еще врачи, но те хоть дело делают. Учителя, тоже дело делают. Но мы-то реальные дармоеды для большинства людей. Ну, чего говорить. У меня родственники некоторые, и мама та же, она до сих пор не понимает, чем я занимаюсь и нужно ли это»⁷.

А отходники на фоне пенсионеров и бюджетников – совсем другие. Они не приходят и не просят. В те дни, когда они находятся дома, они заняты семьей, хозяйством и благоустройством усадьбы. И именно посредством этой их деятельности и осуществляется их воздействие на местную жизнь, местное общество и, косвенно, взаимодействие с местной властью. Именно этой «культуртрегерской» функцией в местном обществе современные отходники очень сходны с отходниками имперских времен (см.: Шабанова, 1992; Burds, 1998; Смулова, 2008). Привнося в местное общество городские стереотипы потребления, особенно практики статусного потребления, новые формы гражданской активности, технические средства общественного взаимодействия⁸, отходники исподволь перестраивают структуру социальных отношений, формируют новые неформальные практики и институты, с деятельностью которых вынуждена начинать считаться и власть. В этом отношении участие отходников во взаимодействии власти и местного общества приобретает характер, дополнительный к участию предпринимателей в таком взаимодействии.

В социокультурном взаимодействии с властью отходники и предприниматели стоят на одной стороне, но если отходники несут в общество, в том числе и власти, новые практики извне, подспудно воздействуя и изменяя жизнь людей, то предприниматели, как наиболее активные «акцепторы» такого воздействия, оказываются и основными объектами, и «донорами» местной власти для материализации новых социальных и культурных

практик, вносимых отходниками (Plusnin, Slobodskoy-Plusnin, 2013). Речь идет о так называемых «поборах» на культуру и социальное обустройство.

Конечно, нам известны случаи, когда отходники уделяют значительную часть своего времени, участвуя в деятельности, имеющей важное социокультурное значение для местного общества и требующей хорошей профессиональной подготовки. Такая деятельность, как восстановление, реставрация местных памятников культуры, далеко не редкая форма участия отходников в общественной жизни. Здесь и соединяются их интересы с интересами власти, но не всегда. Если отходники участвуют в такой деятельности как добровольцы, то местная власть обычно не привлечена. И наоборот, если власть инициирует какой-то общественный проект, участие отходников чаще бывает на наемной основе. Случаи настоящей кооперации, взаимовыгодного сотрудничества имеются, но они единичны (см., напр.: Социальное партнерство..., 2010). Местная власть и отходники, по сути, являются представителями совершенно разных жизненных миров, менталитета и установок в отношении организации местной культурной и общественной жизни.

Кажется, что наибольшие точки соприкосновения отходников с властью сосредоточены в сфере экономики. Но это ощущение создается лишь по той причине, что, с точки зрения власти, взаимодействие с обществом концентрируется почти исключительно на хозяйственно-экономических вопросах. Между тем знающие муниципальные руководители осознают, что:

«Не все понимают, что концепция государства изменилась. Современная концепция – обеспечение жизни людей самими людьми»⁹.

«А государство как? Оно строй сменило, а людям как бы... ну, может, это и правильно... Людям не объяснили. Надо было честно сказать: “Уважаемый народ, вы теперь все сами. Надо вам работать? Ходите, ищите”. А вот старшее поколение привыкло, чтобы за ним ухаживали, приглашали. Говорили: “Не хотите ли вы поработать? Всякие социальные гарантии и прочее.” А сейчас, чтобы жить и работать успешно, образования мало одного, надо еще побегать, зарекомендовать, показать себя. Я когда начал здесь работать, меня поразило отношение бюджетников к деньгам. Я не хочу их обидеть, но они не понимают, что такое деньги, они привыкли их тратить, просить больше, как это было принято в советское время»¹⁰.

Различие позиций явственно проявляется в отношении власти и отходников к ситуации на рынке труда. Нехватка рабочих мест и низкая заработная плата являлись и отчасти до сих пор являются двумя взаимосвязанными причинами развития отходничества. Но именно эти две общие для российской провинции проблемы оказываются проблемами лишь местных жителей, но не местной власти, и представителями местной власти, за редким исключением, они не рассматриваются в качестве значимых.

Официально зарегистрированная безработица в малых городах повсеместно составляет не более 1–3%, сложилась даже «каста» професси-

ональных безработных. А вакансии на рабочие места везде есть и не заполняются; правда, все подобные вакансии низкооплачиваемые, нередко на уровне прожиточного минимума и даже ниже. Поскольку формально, согласно отчетным показателям, проблем с трудоустройством населения и безработицей нет, местной власти свойственен совершенно иной взгляд на рынок труда, нежели местным жителям. Местные власти в качестве проблемы отмечают нехватку квалифицированных специалистов, поскольку в первую очередь их интересует укомплектованность кадрами бюджетных организаций и предприятий, являющихся основными местными налогоплательщиками (в особенности если у власти находятся выходцы с этих предприятий). Они осуждают местных жителей, предпочитающих уезжать на заработки, а не трудоустраиваться на местном производстве. Сами же отходники указывают, что они вытесняются с местных рынков труда не только низкой оплатой труда, но и конкуренцией со стороны гастарбайтеров из среднеазиатских республик.

Более того, в последние годы начала распространяться практика активного привлечения мигрантов в местную экономику именно со стороны местной власти. Руководители районов видят в этом выход из создавшегося положения, когда на местном рынке образуется значительная нехватка рабочих рук, особенно при открытии новых производств на территории района. В то же время множество квалифицированных местных работников отправляются в отхожие промыслы. Однако результат оказывается вдвойне хуже ожидаемого: местные работники вытесняются с местного рынка труда, а проблема нехватки квалифицированных специалистов остается нерешенной. Но в дополнение к этому такие действия власти приводят к росту социальной напряженности:

«У моего друга была хорошая работа, они крыли крыши. Зарплата хорошая была. У него родился ребенок, он обеспечивал семью. Нормально жили, в достатке. Не то что в достатке. Но могли себе позволить хорошо покушать, хорошо одеться. Не более того. Приехали ребята из Средней Азии. И все. Он сейчас сидит дома, без работы. А они кроют крыши. Так что печальная, в общем-то, ситуация»¹¹.

Между тем местные власти и представители государственных органов (центры занятости населения, собес) проблемы на местном рынке труда и распространенность отходничества обычно объясняют простой ленью населения, которое уже не готово к тяжелому труду, отвыкло от него:

«У меня в свое время бригада отделявала дом, и только бригадир сказал: “Спасибо, Люба, ты спасла нас от Москвы”, а остальные сказали: “Лучше бы мы в Москву поехали”. Или вот, например, женщина торгует на рынке, она работает там до 13:00 и жалуется, что у нее плохо идет торговля. Я ей говорю: “Ну, так стояли бы до 17:00”, а она отвечает: “Я что, дура что ли, до пяти здесь сидеть”. И так многие: “Я что, дура что ли, “пахать” у станка?”»¹².

Очевидно, что для отходников, среди которых немало классных специалистов, наниматься на работу дома (как правило, невысокой квалификации, низкооплачиваемую, стоимость которой не соответствует ни временным, ни физическим усилиям) бессмысленно, тем более что тогда они теряют более доходную работу на выезде¹³. Многие отходники-специалисты стараются сохранить свою высокую квалификацию и нанимаются на работы по специальности. Конечно, ситуация не однородна: немало среди отходников и низкоквалифицированных, работающих в сфере услуг или в охране: для многих из них сравнительно более легкий (иногда «лежачий») труд на выезде существенно привлекательнее более тяжелых работ дома. Поэтому в этом вопросе позиции власти и отходников расходятся, но нельзя сказать, что правда на какой-то одной стороне.

Различия в позициях отходников и местной власти относительно экономических вопросов, сильно влияющие на качество их взаимодействия, заключаются еще в одном существенном моменте. Многие отходники не платят налогов, следовательно, не только государственный бюджет, но и тем более муниципалитет не получает дохода от их деятельности. Между тем, привлекаемые в местную экономику рабочие из среднеазиатских республик приносят в местный бюджет налогов нередко больше, чем местные жители¹⁴. А как мы знаем (Плюснин и др., 2013), сейчас в каждом районе каждого российского региона работает не менее 1–3 бригад гастарбайтеров, наших бывших соотечественников.

Таким образом, взаимодействие власти и отходников и по интенсивности, и по качеству существенно уступает аналогичным формам взаимодействия власти с предпринимателями, наиболее близкой отходникам категории активного населения, хотя численность отходников в 3–5 и более раз превосходит численность предпринимателей в любом местном обществе. Во многих случаях мы в наших исследованиях фиксировали полное отсутствие такого взаимодействия.

Значение отходничества для власти

Отсутствие взаимодействия и сформированных отношений между властью и отходниками как особой категории населения отнюдь не означает несущественность отходничества как общественного и политического явления. Напротив, по нашему глубокому убеждению, укрепляющемуся с каждым новым наблюдением, отходничество очень быстро, буквально на глазах превращается в новый важный фактор общественно-политической жизни. И недооценка его как фактора, не говоря о незнании властями самого факта существования этого явления, может грозить важными последствиями для института государства.

Я позволю себе высказать осторожные спекуляции на тему социального, культурного и политического значения отходничества в современной России. По моему мнению, значение это проистекает из неочтенной роли отходничества для функционирования государства, государства как института, по определению тотального, но трансформировавшегося в последние

годы в гипертрофированный социальный институт поддержки «рентного» населения, напроць «забывшего» о другой, наиболее активной и деятельной части законопослушного населения. Как следствие этого, явление отходничества находится вне поля зрения и всех других общественных институтов. А между тем само отходничество – это новый важный общественный институт, совершенно уже сложившийся, сформировавшийся и определенно влияющий на самые разные стороны жизни нашего общества. Беда только в том, что ни в обществе, ни в среде интеллектуалов не наступило еще осознания этого влияния, несмотря на то что исследования неформального сектора экономики становятся все более многочисленными и многосторонними (см., напр.: Барсукова, 2015).

Прежде всего необходимо зафиксировать, что влияние отходничества на экономическую жизнь муниципальных образований носит амбивалентный характер. С одной стороны, развитое отходничество позволяет муниципальной власти не иметь никакой экономической политики, не думать и не заботиться о таких вещах, как реструктуризация экономики, привлечение инвестиций, открытие новых производств, – о всем том, что требует от власти значительных усилий. Отходники нивелируют экономические проблемы муниципалитетов за счет своего самоорганизующегося потенциала и обеспечивают вливание денег в местную экономику за счет средств, заработанных ими за пределами муниципальных территорий. С другой стороны, отходничество является причиной выпадения довольно значительной доли налогов из местных бюджетов (особенно налога на доходы физических лиц).

Первая сторона проблемы более выпукла, она на виду и потому кажется очевидной (правда, такое значение отходничества для местной экономики отнюдь не считалось позитивным в прежние годы; см.: Владимирский, 1927; Минц, 1929; Никулин, 2010). Мы же постоянно наблюдаем то, как отходничество стабилизирует экономическую ситуацию на местах. Между тем вопрос не так прост, как кажется, поскольку у него имеется вторая, скрытая сторона. Муниципальные услуги разверстаны на все наличное, в том числе и отхожее население, и учтены в структуре государственных межбюджетных трансфертов. И долгое отсутствие на месте значительной части обслуживаемого населения (местами до половины всего трудоспособного) не является причиной отказа от дотирования или субсидирования таких услуг местному уровню власти. В этом смысле немалая часть трансферта, направляемого на осуществление муниципальных услуг населению, оказывается фактически не востребованной, но учтенной и может быть использована на иные цели в муниципальном бюджете. Однако и здесь не все просто. Во многих районах и малых городах муниципальные предприятия страдают от долгов населения за неоплаченные предоставленные услуги, особенно услуги ЖКХ; не оплачивается также электро- и газоснабжение. Однако более обеспеченные семьи отходников среди должников как раз и не числятся. Поэтому, несмотря на то что отходничество снижает поступление налогов в местный бюджет, по сумме эффектов его влияние на муниципальное образование следует оценивать положительно, поскольку отходники не только оплачи-

вают муниципальные услуги, но и тратят привезенные деньги, поддерживая местных мелких торговцев и предпринимателей. Но этот аспект участия отходников в местной жизни пока обстоятельно не исследован.

Более актуальной представляется вторая сторона проблемы – выпадение из местного бюджета значительной доли налога на доходы физических лиц. И некоторые продвинутые представители власти это отмечают, но признаются, что решить проблему своими силами не представляется возможным.

По нашим данным, по причине отходничества населения муниципальные районы и городские округа теряют от 5 до 35% собственных доходов (Plusnin et al., 2015, p. 232–233). А при отсутствии внятной (и даже какой-либо вообще) экономической политики муниципальной власти остается надеяться только на механический рост (или хотя бы несокращение) доли собственных доходов. Кроме того, значительная часть отходников, как людей активных и деятельных, оставаясь дома, наверняка занималась бы малым предпринимательством, что давало бы кумулятивный эффект и шло на пользу местной экономике, поскольку это не только сбор налогов, но и рост занятости населения (известно, что в среднем каждый малый предприниматель трудоустраивает в среднем четырех человек, а вообще – от 1 до 10).

Но есть и скрытая сторона. Работающие официально получают немного (например, рабочие на лесопилках, с тяжелым 12-часовым физическим трудом, зарабатывают 15–20 тыс. руб. в месяц, но официально обычно около 10 тыс. руб.; продавщицы частных магазинов повсеместно официально получают по 5–7 тыс. руб., реально же обычно в два раза больше). Поэтому для муниципального бюджета нет какой-то значительной выгоды от того, что отходники будут работать дома и получать официальную зарплату. Если экономические последствия отходничества для местной экономики неоднозначны и в долгосрочной перспективе скорее отрицательны, то последствия его для местного общества скорее положительны. По крайней мере до тех пор, пока отходничество не доводит до оттока местного общества в крупные города и еще не настолько масштабно, чтобы некому было работать в бюджетных учреждениях, жилищно-коммунальном хозяйстве, муниципальных учреждениях и пр.

Многие отходники (более половины всех нами опрошенных) заняты в неформальном секторе экономики, в связи с чем они слабо защищены, поскольку работодатель не предоставляет им «социальный пакет». Отходники зачастую не являются получателями услуг в рамках государственной социальной политики. Неофициальность трудоустройства более ярко выражена в северных городах, где население может использовать ресурсы леса, специализируется, в частности, на строительстве деревянных срубов. Это менее характерно для центральных и южных территорий, где отходники оформляются в охрану, магазины, в обслуживание, и их наниматели вынуждены устанавливать с ними формальные отношения. Как правило, отходники в районы Севера не оформляют даже бумаг на индивидуальное предпринимательство и ездят бригадами неофициально. Такая ситуация характерна,

к примеру, для малых городов Архангельской, Вологодской и Костромской областей, где неофициально занято до 90% отходников. Если такие отходники и создают ИП, то они, как правило, отказываются от официального оформления остальных членов бригады.

Респондент: У меня по упрощенной системе, что я напишу, за то и отчитываюсь. Договоров нет. Если все делать как положено, так тогда...

Интервьюер: ...на работу времени не хватает?

Р.: Да не то что на работу не хватает времени, там такие налоги, что с ума сойдешь! Что заработаешь, то и отдашь.

И.: Люди у вас в бригаде, они наемные работники?

Р.: Они сами по себе просто.

И.: Они тоже индивидуальные предприниматели?

Р.: Нет, просто так ездят. Они молодые все. Лет по 30–35¹⁵.

И здесь мы видим неоднозначное следствие влияния отходничества на управление и местную экономику: неизвестно, какая из сторон, положительная или отрицательная, перевешивает. Но есть в феномене отходничества по крайней мере два аспекта, которые приходится считать сугубо негативными не только для местного общества и местного самоуправления, но и для государства в целом.

Первый аспект: дома не остается специалистов. Многие квалифицированные работники давно стали уезжать на заработки, часть из них нашли себе соответствующие их квалификации рабочие места и уже не намерены оставлять их ради появившихся дома мест, обычно с существенно меньшим уровнем оплаты. Даже с учетом немалых накладных транспортных расходов (по нашим расчетам, они могут составлять от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{4}$ заработка отходника) и психологических трудностей отхожего промысла, привозимые деньги значительно превосходят предлагаемые на местах зарплаты. Вымывание специалистов приводит к тому, что невозможно на месте наладить новое производство¹⁶ и даже осуществлять качественно вполне рутинные работы.

«Я бы, знаете, как сказала: хороших мастеров – дефицит. Они все уехали. А соответственно, здесь остались те, кто либо по каким-то семейным обстоятельствам остались и не могут уехать либо в силу возраста, либо здоровья, либо в силу еще чего-то. И поэтому они (предприниматели) нанимают тех, кто остался. Это люди, которые периодически могут уходить в запой, т.е. сегодня они работают, а завтра могут уже не выйти, или получили какую-то денежку и пропали. Вот у нас, например, ремонтировали здание [школы], были проблемы, потому что наняли всех кого не лень, кто был безработный. Соответственно, некачественную работу получили»¹⁷.

Второй аспект: следствие отходничества, не столь отчетливо наблюдаемое, но для местной экономики столь же существенное. Значительное

число активных жителей малых городов и сел вынуждены были стать отходниками, хотя с большим удовольствием они занялись бы развитием малого бизнеса у себя дома. А многие и занимались, да вынуждены были все бросить и отправиться в «свободное плавание», не отягощенное государственными поборами и мелочным деспотичным контролем. Местные же бизнес и муниципальная власть являются объектами повышенного внимания со стороны проверяющих государственных органов. Зашкаливающее количество проверок и отчетности, вкуче с неисполнением органами власти взятых на себя обязательств, зачастую становится непреодолимым препятствием для малого бизнеса, что провоцирует людей отказаться от его ведения, чтобы прекратить излишнее взаимодействие с государством. Причем если препоны, сознательно чинимые муниципальными чиновниками коммерсантам при открытии новых торговых точек, обоснованы тем, что большинство муниципальных руководителей сами являются хозяевами аналогичных торговых точек и просто не желают иметь конкуренцию на родной территории (и такие примеры мы находим почти в каждом муниципальном районе), то сознательное создание препятствий со стороны территориальных органов государственной власти или их бездеятельность, приводящая к такому же результату в отношении производства и оказания услуг населению, кажутся логически не объяснимыми и, более того, очевидно вредными для местного общества (см.: Plusnin, Slobodskoj–Plusnin, 2012).

«Есть же свободные ниши для развития малого бизнеса. И я их знаю... Обустройство свалок, например, очень прибыльное дело. И департамент экономики мог бы помочь. Но не делают.

Вот колбасный цех был в районе. Ей (хозяйке) областной бюджет задолжал 700 тысяч. И она вылетела. А колбаса была натуральной. Колбаса была – объедение! У нее было свое хозяйство и откормочный цех, она делала колбасу и молочку. Ну и что? Всё рухнуло.

Она взяла кредиты, 700 тысяч (около \$23 000). А проценты должна была возмещать областная администрация. Но не стала. Всё. Цех закрылся. Вот и вся помощь. Кто-нибудь думает об этом?»¹⁸.

Куда в такой ситуации уходит активный и предприимчивый человек, настроенный обеспечивать своей семье достойный уровень жизни? Ему остается только неформальная занятость в отходе. Но как предприниматель такой человек уже потерян для местной экономики. Конечно, сами предприниматели и обычно все местные руководители прекрасно понимают и экономическую и социальную значимость развития местного малого бизнеса. Поэтому людей в провинции приводят в изумление недалевидные и некомпетентные решения федеральной власти, которым вынуждена следовать и муниципальная власть. Признание же некомпетентности центральной власти становится основанием для сомнений в ее легитимности. А от подобных сомнений до уверенности в негодности такой власти – один шаг:

«Налоги все платим вовремя. Поднимают и поднимают без конца. Сегодня мы живем очень тяжело. Сегодня все виды бизнеса живут очень тяжело... наш малый бизнес дает около половины налогов [в районный бюджет], он обеспечивает большую часть рабочих мест здесь. Он платит зарплату людям. Мы же смотрим на этот малый бизнес только как на источник денег. И не смотрим, как бы его поддержать, как помочь... Предприниматель обеспечивает рабочими местами весь район, а его обкладывают налогами. [Если] он будет расширяться – будут рабочие места, будет белая зарплата... У нас был 14%-ный соцналог, сделали 34. Если мы платили ежемесячно 7,5 тысяч социальный налог (около \$250), как только повысили, мы стали платить 20 (\$750). Это ежемесячно. Кроме соцналога у нас электросвязь, промывочные средства, спецодежда и прочее...

Получили мы доход, и из этого дохода мы чего только не платим! Соответственно, резко увеличились налоги – резко упали доходы. Вы думаете, я покажу зарплату? Зачем? Ведь этот единый соцналог, он же с фонда заработной платы. Во-первых, это ведет к серым зарплатам на любом предприятии малого бизнеса. И работники согласны на это. Почему? А куда деваться-то? Они же понимают, если рухнет предприятие, куда они пойдут? Люди довольны, что они получают зарплату, они кормят семьи. Сегодня рухнуло предприятие – они остались без зарплаты. Куда им идти? Некуда...

Начали выступать предприниматели. Сказали – уменьшим малому бизнесу налоги... Уменьшили до 28 [%]. Не 34 теперь, а 28. Да, ведь если вы, ребята, говорите, что будет 20%, так вы 20 и оставьте. Зачем так-то?»¹⁹.

Складывается парадоксальная ситуация, когда жителям провинции из-за непосильного бремени проверок, делающих предпринимательскую деятельность в малом бизнесе неприбыльной, из-за безответственных, непродуманных государственных решений легче и продуктивнее работать в вахтовом режиме вдали от дома, чем вести собственный бизнес, развивая местную экономику, трудоустривая своих же сограждан. Альтернативой ведению бизнеса дома и становится отходничество, которое приносит больше доходов и позволяет избежать неприятного и опасного для дела жизнеобеспечения семьи взаимодействия с государственными и, конечно же, с муниципальными структурами. Бюрократический волюнтаризм власти приводит к тому, что люди используют институт отходничества, чтобы просто уйти и жить «вдали от государства».

С политической точки зрения я рассматриваю феномен современного отходничества как способ бегства активного самостоятельного населения от «сосредоточившегося государства» – известно, в такие времена народ не благоденствует. Впрочем, современный этап взаимодействия значительной части народа с государством не есть уникальный случай. Напротив, это давняя и давно описанная практика разбегания по разным концам и окраинам империи (напр.: Гердер, 1977, с. 467–472; Лурье, 2009). Но нынче это бегство не на неосвоенные территории, а в сумеречные ниши экономики.

* * *

Текст подготовлен на основе материалов полевых исследований, которые проводились в 2008–2015 гг. по проектам, осуществлявшимся на пожертвования Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» «Отходники в малых городах России» (№ 2011-001, 2011–2012), экспедиционного гранта Российского гуманитарного научного фонда «Отходники в малых городах» (№ 11-03-18022е, 2011), грантов Научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» «Роль изоляции в развитии местного самоуправления» (№ 08-01-0138, 2008–2009), «Станет ли экономически активное население союзником муниципальной власти? Анализ нарушений в системе взаимосвязей институтов местного общества и власти» (№ 11-01-0063, 2011–2013).

Автор выражает глубокую признательность руководству фондов за предоставленные финансовые возможности получения материалов для исследования.

Значительное участие в сборе и анализе материалов интервью с отходниками принимали мои коллеги и соавторы Н.Н. Жидкевич и А.А. Позаненко, аналитики Проектно-учебной лаборатории муниципального управления НИУ ВШЭ.

Я также благодарен многочисленным участникам наших полевых исследований, материалы интервью которых использованы в данной работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Материалы наблюдений Я.Д. Заусаевой и А.А. Байдаковой в Буйском районе (пос. Чистые Боры), А.А. Позаненко и Н.Н. Жидкевич в г. Макарьеве Костромской области, А.А. Позаненко в Ивановском и Пестяковском районах Ивановской области.
- ² Интервью А.А. Позаненко и Н.Н. Жидкевич с отходником, случайно встреченным на автовокзале в г. Макарьеве Костромской области, перед его отъездом на работу, май 2011 г.
- ³ Интервью Я.Д. Заусаевой и А.А. Байдаковой с таксистом М., бывшим отходником, г. Торопец, Тверская область, ноябрь 2011 г.

- 4 Так как, и по нашим данным, и по данным других авторов, немало отходников были раньше или фактически являются «теневыми» мелкими предпринимателями (см., напр.: Алимova, Ченина, Чепуренко, 2011; Чепуренко, 2012; Cherpurenko, 2014).
- 5 Даже такая многочисленная категория отходников, как охранники в фирмах, офисах и на предприятиях крупных городов, в отношении которых регистрация представляется необходимой и ее обеспечение нетрудно, в массе своей работают без регистрации.
- 6 Интервью А.А. Позаненко, Н.Н. Жидкевич и Я.Д. Заусаевой с первым заместителем главы администрации городского округа по муниципальному хозяйству, г. Касимов, Рязанская область, декабрь 2011 г.
- 7 Интервью А.А. Байдаковой и Я.Д. Заусаевой с местным экспертом Р.З., г. Кинешма, февраль 2012 г.
- 8 Например, уже давно и повсюду в сельской местности, в самых удаленных деревнях, старые женщины, матери отходников, самым активным образом используют все современные средства связи с помощью интернета, активны в социальных сетях и на форумах. Между тем исследователи еще до недавнего времени были убеждены, что современные средства общения – большая редкость в селе.
- 9 Интервью А.А. Позаненко, Н.Н. Жидкевич с главой Темниковского городского поселения В.В. Афониним, г. Темников, Республика Мордовия, ноябрь 2011 г.
- 10 Интервью А.А. Байдаковой и Я.Д. Заусаевой с главой Торопецкого района, г. Торопец, Тверская область, ноябрь 2011 г.
- 11 Интервью А.А. Байдаковой и Я.Д. Заусаевой с бывшим отходником, г. Торопец, Тверская область, ноябрь 2011 г.
- 12 Интервью А.А. Байдаковой, Я.Д. Заусаевой и Д.Г. Валиевой с заместителем главы администрации городского округа, г. Кинешма, Ивановская область, февраль 2012 г.
- 13 Тем более что, по нашим данным, отходник на выезде зарабатывает в среднем в 3–4 раза больше, чем он смог бы заработать дома, притом что хотел бы заработать всего в 2 раза больше предлагаемой дома зарплаты (Плюснин и др., 2013, с. 129–130).
- 14 По данным из нескольких источников: из интервью Ю.М. Плюснина с главами Чердынского района, Пермский край, декабрь 2011 г., Никольского района, Вологодская область, июль 2013; из аналитического отчета Я.Д. Заусаевой по результатам исследований в Буйском районе, Костромская область, ноябрь 2010 г.
- 15 Интервью А.А. Позаненко, Н.Н. Жидкевич с отходником – бригадиром срубщиков И.П., дер. Усачево, Каргопольский район, Архангельская область, март 2012 г.

- ¹⁶ Так, например, в Пошехонском районе Ярославской области недавно построены несколько новых предприятий по переработке льна, рыбы, леса, но повсеместно их хозяева сталкиваются с проблемой набора работников из местных жителей. Даже при достаточно высокой предлагаемой зарплате (\$500–\$800) и дополнительном социальном пакете в виде оплаты транспортных расходов и питания на предприятии (+\$200) мало кто из местных жителей выразил желание устроиться: многие мотивированные на работу мужчины давно в отхожих промыслах (из интервью Ю.М. Плюснина с главой Пошехонского района и главой администрации городского поселения, г. Пошехонье, Ярославская область, сентябрь 2013 г.).
- ¹⁷ Интервью А.А. Байдаковой, Я.Д. Заусаевой и Д.Г. Валиевой с директором гимназии № 3 им. А.Н. Островского, г. Кинешма, Ивановская область, февраль 2012 г.
- ¹⁸ Интервью Я.Ю. Слободского-Плюснина в октябре 2012 г. и Ю.М. Плюснина в июле 2015 г. с Е.Н. П., хозяйкой аптеки, бывшей главой Пыщугского района, с. Пыщуг, Костромская область. В августе 2015 г. в районе проходили внеочередные выборы главы, и эту женщину, превосходного руководителя и человека, уговаривали и областные чиновники, и простые жители района выставить свою кандидатуру, однако она наотрез отказалась, мотивируя тем, что в нынешних условиях организации муниципального управления она не будет способна ничего сделать для местного общества. И здесь она, к сожалению, не ошибается.
- ¹⁹ Интервью Я.Ю. Слободского-Плюснина с предпринимательницей, Костромская область, октябрь 2012 г.

ЛИТЕРАТУРА

---

1. Алимова Т.А., Ченина А.В., Чепуренко А.Ю. (2011). Экономический кризис и предпринимательская активность населения России: открывать свое дело или выходить из бизнеса? // Мир России. № 2. С. 142–160.
2. Барсукова С.Ю. (2015). Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
3. Владимирский Н.Н. (1927). Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома: Издание Костромского губстатотдела.
4. Гердер И.Г. (1977). Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука.

5. Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. (2007). Внутренняя миграция в России: правовая практика // Центр миграционных исследований, Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН. Серия «Миграционная ситуация в регионах России». Вып. 4. М.
6. Лурье С.В. (2009). Империя как судьба. Очерк 7. Принципы организации геополитического пространства. <http://svlourie.narod.ru>
7. Минц Л.Е. (1929). Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.Л.: ГИЗ.
8. Никулин В.Н. (2010). Неземледельческие отхожие промыслы крестьян Петербургской губернии в пореформенный период // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 2 . С. 272–283.
9. Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013). Отходники. М.: Новый хронограф.
10. Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России, 2015. – Т. 24. – № 1. – С. 35–71.
11. Смурова О.В. (2008). Между городом и деревней: (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX – нач. XX вв.). Кострома: Изд-во КГТУ.
12. Чепуренко А.Ю. (2008). Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM // Мир России. № 2. С. 22–40.
13. Чепуренко А.Ю. (2012). Что такое предпринимательство и какая политика в отношении предпринимательства нужна России? (Заметки на полях работ современных зарубежных классиков) // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2. С. 102–124.
14. Шабанова М.А. (1992). Современное отходничество как социокультурный феномен // Социологические исследования. № 4. С. 55–63.
15. Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества. Опыт регионов и муниципалитетов (2010). Матер. IV Всероссийской конфер., Москва, 11 декабря 2009 г. / Под ред. В.И. Василенко. – М.: Изд-во «Проспект».
16. Burds J. (1998). Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905. Pittsburgh (PA): Univ. Pittsburgh Press.
17. Chepurenko A. (2014). Informal Entrepreneurship Under Transition: Causes and Specific Features // Soziologie des Wirtschaftlichen: Alte und neue Fragen. Springer Verlag, p. 361–381.
18. Plusnin J.M., Slobodskoy-Plusnin J.J. (2013). Local Government and Small Business: Mismatch of Expectation. Working paper WP BRS 04/PA/2013, Moscow: HSE.
19. Plusnin J.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2015). Wandering workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants. Stuttgart: Ibidem Verlag.

AWAY FROM THE STATE: OTKHODNIKS AND POWER IN MODERN RUSSIA

Plusnin Juri M.

PhD., Professor of the Department of Public Administration,
Faculty of Social Sciences, HSE.
Address: National Research University Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya Str., 101000 Moscow, Russian Federation.
E-mail: juri.plusnin@gmail.com

Abstract

Internal return migrant workers (modern seasonal workers or “otkhodniks”) are relatively new, but already a mass phenomenon in Russia. We estimate the number of otkhodniks in Russia now in 15–20 million of working-age population. This category of migrant workers exists outside the public administration system, primarily occupying the sector of “gray economy”. The bodies of state and municipal authorities have not yet formed any definite relationship with migrant workers; no management solutions have been established. There are no management decisions on the regulation of otkhodnichestvo working. There is no regulatory framework. The article, based on field studies in 40 Russian regions and empirical data for 77 municipalities, considers the problem of interaction between the government and migrant workers in three aspects: (1) the ratio of otkhodniks to power, (2) forms and types of interactions between otkhodniks and the authorities, (3) the political significance of modern otkhodniks. The otkhodniks are eliminated completely from the government. They refuse to interact with the government and local self-government. There is no cooperation between the authorities and this category of migrant workers. The authorities underestimate the economic and political importance of modern otkhodniks. All this creates significant social and political threats and risks for the public administration system.

Keywords: returnable work migration; Russian internal work migration – otkhodnichestvo; otkhodnik; self-employment; small entrepreneurship; shadow economy; public administration; local society; municipal government; local society-government interaction; political activity; social tension.

Citation: Plusnin, J.M. (2015). Vdali ot gosudarstva: otkhodniki i vlast' v sovremennoy Rossii [Away from the State: Otkhodniks and Power in Modern Russia]. *Public Administration Issues*, n. 1, pp. 60–80 (in Russian).

REFERENCES

1. Alimova, T.A., Chenina, A.V. & Chepurenskiy, A.Yu. (2011). Ekonomicheskiy krizis i predprinimatelskaya aktivnost' naseleniya Rossii: otkryvat' svoe delo ili vykhodit' iz biznesa? [The Economic Crisis and the Entrepreneurial Activity of the Population of Russia: To Start a Business or to Go Out of Business]. *Mir Rossii*, n. 2, pp. 142–160.
2. Barsukova, S.Yu. (2015). *Esse o neformalnoy ekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [An Essay on the Informal Economy, or 16 Shades of Gray]. Moscow: HSE.

3. Vladimirskiy, N.N. (1927). *Otkhod krestyanstva Kostromskoy gubernii na zarabotki* [The peasantry's leaving the Kostroma province for seasonal work]. Kostroma: Izdanie Kostromskogo gubstatotdela.
4. Gerder, I.G. (1977). *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of history of mankind]. Moscow: Nauka.
5. Zayonchkovskaya, Zh.A. & Mkrtchian, N.V. (2007). *Vnutrennyaya migratsiya v Rossii: pravovaya praktika* [Internal Migration in Russia: Legal Practice]. Centr migratsionnykh issledovaniy, Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN. Seriya «Migratsionnaya situatsiya v regionakh Rossii». Vol. 4, Moscow: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN.
6. Lurie, S.V. (2009). *Imperiya kak sudba. Ocherk 7. Printsipy organizatsii geopoliticheskogo prostranstva* [The Empire as the Fate. Essay 7. Principles of Geopolitical Space Organization]. Available: <http://svlourie.narod.ru> (accessed: 10 February, 2016).
7. Mints, L.E. (1929). *Agrarnoe perenaselenie i rynek truda v SSSR* [The Agrarian Overpopulation and the Labor Market in the USSR]. Moscow-Leningrad: GIZ.
8. Nikulin, V.N. (2010). *Nezemledelcheskie otkhozhie promysly krestyan Peterburgskoy gubernii v poreformennoi period* [Non-Agricultural Seasonal Work Peasants of the Petersburg Province in the Post-Reform Period]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, n. 2, pp. 272–283.
9. Plyusnin J.M., Zausaeva, Ya.D., Zhidkevich, N.N. & Pozanenko, A.A. (2013). *Otkhodniki* [Seasonal Workers]. Moscow: Novyy Hronograf.
10. Plyusnin, J.M., Pozanenko, A.A. & Radkevich, H.H. (2015). *Otkhodnichestvo kak novyi factor obschestvennoy zhizni* [Seasonal Work as a New Factor of Social Life]. *World of Russia*, vol. 24, n. 1, pp. 35–71.
11. Smurova, O.V. (2008). *Mezhdru gorodom i derevney: (obraz zhizni krestyanina-othodnika vo vtoroy polovine XIX–nach. XX vv.)* [Between Town and Country: (Peasant Migrant Workers Life Style in the Second Half 19-Early 20 Centuries)]. Kostroma: KGTU.
12. Chepurenko, A.Yu. (2008). *Ranee predprinimatelstvo v Rossii: promezhutochnye rezultaty GEM* [Early Entrepreneurship in Russia: Interim Results of GEM]. *Mir Rossii*, n. 2, pp. 22–40.
13. Chepurenko, A.Yu. (2012). *Chto takoe predprinimatelstvo i kakaya politika v otnoshenii predprinimatelstva nuzhna Rossii? (Zametki na polyah rabot sovremennykh zarubezhnykh klassikov)* [What is Entrepreneurship and What Kind of Policy in Relation to Entrepreneurship does Russia Need? (Notes on the Margins of Works of Contemporary Foreign Classics)]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoy assotsiatsii*, n. 2, pp. 102–124.
14. Shabanova, M.A. (1992). *Sovremennoe otkhodnichestvo kak sotsiokulturnyi fenomen* [Modern, Seasonal Work as a Sociocultural Phenomenon]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, n. 4, pp. 55–63.

15. *Sotsialnoe partnerstvo i razvitie institutov grazhdanskogo obshchestva. Opyt regionov i munitsipalitetov* [Social Partnership and the Development of Civil Society Institutions. Experience of Regions and Municipalities] (2010). Proceedings of the IV Vserossiyskaya konfer. Moskva, 11 dekabrya 2009 g. Edited by V.I. Vasilenko. Moscow: «Prospekt».
16. Burds, J. (1998). *Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905*. Pittsburgh (PA): Univ. Pittsburgh Press.
17. Chepurenko, A. (2014). Informal Entrepreneurship Under Transition: Causes and Specific Features. *Soziologie des Wirtschaftlichen: Alte und neue Fragen*. Springer Verlag, pp. 361–381.
18. Plusnin, J.M. & Slobodskoy-Plusnin, J.J. (2013). *Local Government and Small Business: Mismatch of Expectation*. Working paper WP BRS 04/PA/2013, Moscow: HSE.
19. Plusnin, J.M., Zausaeva, Ya.D., Zhidkevich, N.N. & Pozanenko, A.A. (2015). *Wandering workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants*. Stuttgart: Ibidem Verlag.